

Елена Щербакова

Наказали

Пьеса в 2 – х действиях

Действующие лица:

Андрей Сергеев – дачник, мужчина среднего возраста.

Марья Сергеева – его жена, модница.

Борис Сергеев – провинциальный житель, сосед по дому, мужчина среднего возраста.

Анна Сергеева – его жена, простодушная хозяйка.

Федор Петрович – управляющий из деревни Артамоново.

Варвара Павловна – заведующая отделом снабжения в музее – усадьбе Артамоново.

Петр Водоплясов – местный корреспондент.

Действие происходит в деревне Артамоново.

1 действие

1 картина

Мария и Анна Сергеевы.

Марья сидит, как каменная статуя, у окна перед большим цветком совсем без выражения на лице. Смотрит во двор. Рядом, у забора, ходит Анна, соседка напротив. Увидела ростки подснежников под забором и решила выкопать их. Достает палочку, присела у корня и пытается выкопать.

Марья: (кисло и требовательно) Ну, вы хоть бы спросили разрешения. Все – таки цветы хозяйские.

Анна: Разве?! Здесь, за забором, прибились бесхозные ростки. Я подумала, что цветы могут затоптать, к тому же не ясно, какие они хозяйские, с того двора хозяйка уж 2 года, как на кладбище.

Марья: Вы думаете, что много знаете. Но Вы не правы. Эти цветы с моего участка.

Анна: А я думала, что с краю их затопчут. Они совсем к корню прибились. Я думала, лучше их выкопать и пересадить.

Марья: Ну-ну, копайте. А я посмотрю, как это у вас получается.

Анна: А просто!(взяла палочку и стала ковырять, но земля не поддавалась)

Марья: Вот – вот. Вы все хотите быстро решить дело. Совсем вздохнуть нельзя свободно. Даже сейчас, когда тает снег и много кислорода в воздухе.

Анна: Да, будьте смелей. Вон с той улицы постоянно пьют пиво, и вся дорога банками одними засорена. А я их убираю, чтобы муж на машине проехал. Вот не продохнуть.(вздыхает) А вам что? Сидите, только воздухом и дышите. Здесь, в деревне земли много. Не то, что у Вас там, в городе.

Мария: Как знать, что в городе. Совсем житья нет. Голова раскалывается, одни проблемы. Хоть сиди и голодай, и на свет божий не смотри. Но так нельзя. Я хочу еще жить.

Анна: Ну, это вы выбирайте сами. В деревне – то не забалуешь. Везде расчет нужен и труд. Мы люди простые, к праздной жизни не привыкли, в одежде простой ходим, полы моем, картошку копаем. Вот и все дела. Да ветер только одежду рвет. Одни дырищи. Успевай латать только. Все на наших плечах: дом, земля. А вы-то одеться мастерица и на язычок остры.

Марья: Да, как знать, на какой язычок, все молчу больше, сказать нечего. И аппетиту нет. А ты-то не боишься, что цветы, что накопала, вымерзнут. Завтра похолодает. А ты их сажать собираешься.

Анна: Да снег – то горячий, матушка. Под ним совсем не холодно. Цветы и травы и живут потому, что снег у нас красного цвета.

Марья: Скажешь тоже. Где только видано такое?

Анна: А ты не смотри, вредно. Глаза лопнут. Знать надо. (выкапывает цветы и уходит).

Марья: (вздыхает грустно) Сегодня ночью мне опять кошки спать не давали. Так орали на чердаке, так орали. Совсем я не выпалась, как не своя. Тоска. Тоска зеленая. А верба уже распускается. А мне тошно, грустно. Хоть бы эти коты – бедолаги вредную мышь изловили, что скребется за стенкой. Да разве всех их переловишь. Беда.

2 картина

Марья.

Марья: Ну, не могу я, как эта Анна нагибаться к земле. Я не та, городская. Я должна вдохновлять, достойно одеваться. (примеряет высокие туфли, достает из шкафа зеленую шляпу с широкими полями.) И потом. Я не смогу из себя корчить святошу. Да. Мне нужно одеваться. (примеряет платье и бусы под него.) Но брат опять начнет ко мне придирааться: и чего я сижу, ничего не делаю, опять на его шее. А я думаю наоборот. После того, как он стал моим мужем и взял мою фамилию, все пошло кувырком. И зачем я за него пошла. Да разве в городе с кем-нибудь поговоришь достойно. Все извращено. На улицу нельзя выйти. Изнасилуют, ограбят, изобьют. И полгода в больнице в себя приходиться будешь. А все этот деволт. Как фингал на глазу. Хоть не смотри на свет божий. А у меня сердце так и сжимается, так и сохнет, скоро сморщится, как сухофрукт. Одна тяжесть на нем. Как большая гиря, тянет на дно. А брат разве поймет? Все пьет в своей комнате. Его бы в вытрезвитель. Да с ним не справишься. Он считает себя умнее всех. Хотя совсем еще молод. Я старше его на 7 лет. Но он меня не слушает. И где искать управу на него? Хоть кричи. Да голос охрип. Сил нет. Надорвалась моя кобылка. Силенок совсем нет. (Завязывает бантом шарфик на шее, надевает браслет.)

Громко тикают часы. Входит муж Андрей, приносит квитанцию.

Андрей (резко): Ты за квартиру заплатила? За водосчетчик, за газ, электричество?

Марья: Что кричишь. Считала я.

Андрей: Хорошо ли? Опять все по-новому пересчитали. О том ли думаешь? В конторе не поняли и все напутали, да еще другую фамилию приписали.

Марья: Ты же знаешь, я специально считаю за лифт, Боженька нас любит. Устроил такие удобства в городе. И в часовню к Святой Татьяне часто хожу.

Андрей: (вздыхает) Ом! Ты запустила свой розарий. Из всего сада остались только 3 куста. И то, через 2 года там будет расти один дикий шиповник.

Марья: Цветы – это очень трудное занятие.

Андрей: А у нас на столбе провода сорвало и даже сварку. Надо мастеров принимать. А ты со цветами только. Мне деньги нужны. А то будем сидеть без электричества.

Марья: Хорошо. Со свечами будем сидеть.

Андрей: А ходить? Так ты тоже скажешь со свечами?

Марья: Со свечами! Пойдешь в погреб, в баню, на чердак. Что ты от меня хочешь? Чтоб я столб поставила?

Андрей: Нет, конечно.

Марья: Я устала. Я устала. Что ты ко мне пристаешь? (встала, соскочила, стала указательными пальцами указывать в пол) Пошел бы к управляющему, спросил бы, как дело поправить, и чем вообще они здесь занимаются. Никак музей у них в усадьбе. Что мне все в церкви молиться. Пойди и попроси помощи у него. Один сам не управишься. Мы – то люди городские. Еще каким-нибудь советом поможем.

Андрей: Ты меня посылаешь в усадьбу? И что я им скажу? Сейчас как на городского смотрят? Как на некудышку! Голодранца! Который концы с концами не может свести? А сами – то тут, как бары какие живут. И как смотрят, как смотрят! Одни глаза чего стоят. Все прицениваются у них, кто, да что и зачем прибыл. А я же не скажу, что в городе есть уже нечего. Стыдно. Я все-таки взрослый человек, не мальчик несознательный. Должен за себя отвечать.

Марья: Будто не знаешь, кто ты. У тебя опыт ведь жизненный.

Андрей: Какой опыт? Один дележ. Квартиру сдай, за телефон заплати – вот и работа твоя. Здесь всех видно, как на ладони. Людей не обманешь.

Марья: Успокойся! Может, чайку? (ласково)

Накрывает стол с блюдами.

Посиди, расслабься. И сам поймешь, что тебе стоит сходить к управляющему. Чего дома сидеть? Надо людей знать, с которыми живешь. А угол забивать нечего. И так мне коты и мыши всю ночь не давали спать. На свет хочу! На свет! Не тyani, Андрюша.

Андрей: (с громким хрипом) Р-р-р! Уморила ты меня! Попридержала бы лошадку. Я и так измаялся. И столб падает, и сосед перед носом поставил на нашу землю забор. И возле мусорки постоянно с другой стороны жгут костры. Так и загореться она может. Не дом, а пороховая бочка!

Марья: Я не выдержу! Я взорвусь раньше! (резко обрывает Андрея) Ты итак вывез меня из города в эту дыру, в такую даль! И еще требуешь не выходить из дома. Это твои проблемы. Но сидеть, как в чулане, я не собираюсь. Иди и разберись, кто наш управляющий, и все встанет на свое место.

Андрей выпивает чай, быстро одевается и уходит.

3 картина

Марья.

Марья: Скоро Пасха. Надо бы сменить белье. А то будто на сене повалялась, и букашки по мне ползают. А на полу одни листья. Не дом, а шалаш. Нет, это невыносимо!

За окном вспорхнули голуби. Марья подошла к окну.

Марья: Это что же, голубятня у них? Ясно. Вот всеми днями кружат голуби в небе. Только мне не легче. Опять передали про Крым, бои. Когда все это кончится? Хоть глаза завяжи и не смотри. Но я уже не могу так. Вот Андрей сейчас сходит, узнает, чем здесь, в этой дыре Артамоновской, занимаются.

Смотрится в зеркало.

Как же эти деревенские девки сильно красятся. Не то, что городские. Все пышные, румяные, откормленные. А соседка Сергеева совсем другая. Ну, серая шейка, мышка-норушка. Ее не видно, не слышно, а дела делает. Посмотришь - подумаешь, ее муж бьет. А на самом деле не так. Говорят, они, Сергеевы - местные кулаки. Вот и не поймешь, в чем сущность - то?

Достает браслет и подвеску.

Я бы с ней поговорила, с Анной-то. Да ее днем с огнем не сыщешь, бегаёт, носится где-то, а дом пустует, точно гроб какой-то там. Но говорят, там, у них, хоромы. (вздыхает) А помнится, в молодости я играла на рояле «Элегию» Рахманинова. Еще в городе когда жила, мне тоже казалось, что в комнате плачут, опустело, и оплакивают умершего. Да страшно и холодно. Как от талого снега. Но зато много воздуха. Мужу купила воду французскую, большой флакон, да очень большой, - убить таким можно. Не знаю, поправится он от своей хандры: все лежит на спине и в компьютер уткнулся. Хоть бы погулять вышел. А он одно знает: топор и компьютер: то во дворе рубит, то на спине читает, лопатки разминает. Что за жизнь?! Надоело!

4 картина

В доме Анны и Бориса.

Борис: Не знаю, опять у нас кроты развелись на участке.

Эти Сергеевы ничего не делают у себя, так кроты и стали рыть землю у них и к нам перебрались.

Анна: А ты Душу (собаку) пусти, чтоб она разогнала бы всех, попугала бы живность.

Борис: Молчала бы. Душа сама ищет и гоняет, если надо нечисть всякую.

Анна: Вот бы она и стрижей гоняла. А то все вишни опять они повыклюют в этом году.

Борис: А что делать-то прикажешь, матушка?

Анна: А я всю посуду перемыла, шторы повесила. Живи только.

Борис: Живи, живи, да горб мешает. Я, думаешь, все это сам делаю или каким Макаром по - твоему? Было бы с добром. А теперь нанял рабочих, деньги вложил. Да они такое налепили, даже землю чужую прихватили у соседа. Вот он пожалуется на меня, а мне нечего сказать. Ломать же я не стану, да еще на чужой земле.

Анна: Это они вломились – то со стороны, рабочие? Хмм!Что значит, чужие. Им все нипочем.

По радио после новостей звучит Ария Фигаро.

Анна: Труба зовет! Пора, пора за дело.

Борис: Пора детям в школу.

Анна: Да ты о себе подумай. Купил краску, а она только стоит и простаивает. Давно просрочена. О чем только думаешь?

Борис: Типун тебе на язык!

Анна: Ты не обо мне думай, а о себе. Всегда у тебя кроссовки развязаны. Ты когда –нибудь нос расшибешь.

Борис: Не расшибу.

Анна: А там вон гиря во дворе стоит на самом проходе. Уж точно споткнешься. Убрал бы. Все равно не качаешься.

Борис: Ты мои тормоза не трогай. Купи лучше билет на концерт. Сходи в усадьбу. Там опять что-нибудь устроили: музыка, танцы.

Анна: А-а-а, эти, миксы, хочешь сказать? Потом опять побегу посуду покупать. Ее столько у меня в буфете. Лучше бы тележку купить.

Борис: Сказал бы. Люди давно по круизам путешествуют. А тебе огород да цветы.

Анна: И я ездила. Меня Бог не обидел. Да что там кверху попой на пляже, что в огороде, кверху попой – одно дело. Так лучше уж дома как-то.

Борис: Нет на тебя управы.

Анна: Знаю я твою управу. Как придешь с большого бодуна, потом целую неделю опохмеляешься.

Борис: (требовательно, с вызовом) А поле кто пахал?

Анна: Ты.

Борис: Я один за всю округу! А коней кто сторожил?

Анна: Ты.

Борис: Я один целыми ночами! На сенокосе кто убирал?

Анна: Ты. Я потом глаз не смыкала, думала, ты с кем – то в стогах амуры начал водить.

Борис: Я? Никогда я тебе не изменял. Нет.

Анна: Не изменял?

Борис: Нет! Честное слово.

Анна: А то русалок помню там, за деревьями, у пруда, где ты косишь. Мало ли что. Русалки они что? Защекотать до смерти могут.

Борис: Могут. Только меня не русалки щекотали, а муравьи кусали. Уснул я, и ночью они все под меня и заползли.

Анна: Бедный.

Борис: Ну, помнишь, всего искусали. Я был красный весь.
Потом месяц болел.
Анна: Помню. (утирая слезы) Несчастный мой. Ах!
Борис: Да. Заговорились мы с тобой. А дела не ждут, пора мне идти. Да и ты не сиди так. А - то Кондрашка заметит.
Анна: Сейчас, сейчас (торопится, загибает угол половицы и берет веник).

5 картина

Музей - усадьба Артамоново. Варвара Павловна и Андрей Сергеев. Андрей входит в кабинет Варвары Павловны, снимает кепку.

Андрей: Здравствуйте. Кто здесь главный – то будет?
Варвара Павловна: Кого Вам, уважаемый?
Андрей: Мне бы знать, что здесь за мероприятие в усадьбе, и кто его представляет.
Варвара Павловна: А это на афише все вывешено.
Андрей: Я – то сам не местный, а дачник, сам из города, с женой, и хотел, чтобы мой коллектив тоже выступил у вас.
Варвара Павловна: А кто вы?
Андрей: Мы проводим капустники, вечера юмора и смеха. Хохмы, шутки – это по нашей части.
Варвара Павловна: Только без экстремистов, без хлопушек, выстрелов и тем более драк.
Андрей: А где и когда вы можете предоставить место и время?
Варвара Павловна: Это мы еще договоримся попозже, не сейчас. А пока что познакомьтесь с нашим корром местной газеты «Железный путь» Виктором Петровичем Водоплясовым.
Андрей: Что? У вас местная газета? Любопытно. Дайте почитать. А где он сам?
Варвара Павловна: Он ушел на родник.
Андрей: (кисло) Да?
Варвара Павловна: Вы знаете, он непростой человек. Много раз бывал за границей и работает в Болгарской Академии редактором.
Андрей: Очень интересно.
Варвара Павловна: Но о себе я, конечно, могу рассказать больше.

Андрей: Любопытно. У Вас целая история?

Варвара Павловна: О да! Если бы кто знал. Кто мог бы это предположить.

Андрей: Что-то особенное?

Варвара Павловна: Еще бы!

Андрей: Ну, расскажите же скорей.

Варвара Павловна: Если бы вы знали мою жизнь, и сколько раз я была замужем...

Андрей: Да? Любопытно. И сколько же?

Варвара Павловна: 4 раза.

Андрей: Надо же!

Варвара Павловна: Это не всякому возможно представить. А ведь каждый мой муж был очень не прост. Вот так я со своими мужьями закончила 5 институтов: один свой и четыре с ними.

Андрей: Любопытно.

Варвара Павловна: Да, это целая история. От первого мужа у меня дочь, второй был бас. И еще какой! Бас Большого театра. Высокий, здоровый мужчина. Он целыми днями пел арии. И все в доме моем замирали и прислушивались.

Андрей: Так вы жили в городе?

Варвара Павловна: Да, я жила в Москве, в столице. Это сейчас я переехала в провинцию, в тихий мирный уголок, где меня никто не достанет. Да мой второй муж был бас. И все это терпела. Но вечно это не могло продолжаться, потому что мне было за него стыдно. Он был неуклюж, и мы вечно попадали в нем в какие-то истории: то он ручку оторвал от такси, когда мы возвращались из театра домой, а то упал с верхней полки в поезде ночью и разбудил всех в купе, подломил столик. Было так неловко за него перед людьми. И я твердо решила, надо расстаться. К тому же за мной начал ухаживать один саксофонист из джаз – банды, и когда я сообщила, что я от него ухожу, он взвыл, как медведь, и стал душить меня от ревности. Я насилу вырвалась из его рук. Третий муж был из джаз-банды, любил рок, и много гастролировал. Это было долгое путешествие с группой по миру, от которого, я чертовски устала. Наконец, когда прошла половина моей жизни, я встретила мужчину, и он остался моим мужем и по сей день. И теперь я люблю своего мужа и буду любить его до потери пульса. Он военный, полковник и работает в охране. Вот такая моя история. Но дело в

том, что я давно уже прабабушка, а внуки мои и дочь работают на телевидении и снимались в Голливуде, а другие живут и ездят по загранице. Вот в чем дело. А я так, хорошо считаю деньги, помогаю в их делах. Да, деньги я умею считать. Это моя профессия. А еще я сочиняю стихи. И сфотографировалась для своего лирического сборника. Вот это я (Варвара Павловна достала фото, где она похожа на Святую Магдалину, и показала его).

Андрей: Какой у вас долгий и романтический рассказ. Я очень впечатлился. Но все-таки, что же пишет местная газета «Железный путь»? Мне обязательно надо узнать о главном корре. Водоплясове.

2 действие

1 картина

Андрей и Марья. Андрей с газетой «Железный путь» приходит домой.

Марья: Вот. Пока ты отсутствовал, к нам приходил управляющий, и сам спрашивал ордер на владение домом.

Андрей: Как? Он выяснял метраж? Ты ему сказала, что сосед занял нашу землю, поставил забор, да еще калитку с другой стороны. Скоро мы почти будем числиться на его территории.

Марья: Кто?! Сергеевы?

Андрей: Да!

Марья: Но и мы Сергеевы тоже.

Андрей: Ты только подумай, Сергеевы на Сергеевых лезут. Если не проверить документы, то Сергеевы запросто могут приписать все к себе. Вчера сосед так и сказал, здесь вся земля наша, и забор не перенесем с калиткой. А мы, мол, (это он про нас), на земле жить не умеем.

Марья: Как? Так и сказал?

Андрей: Скоро его дом, как курица, на наш дом сядет. И нас придушат, как слепых котят.

Марья: Я этих избушек на курьих ножках не потерплю. Это попирание морального права. Ты выяснил, чем занимаются в усадьбе?

Андрей: У них концерты, и еще работает некий корр. Водоплясов в газете «Железный путь».

Марья: Ясно. (тронула подвеску на шее и оттянула ее ко лбу) Все ясно. Это все одни горькие слезы. Но ты не заставишь меня броситься под локомотив, как Анне Карениной. Уж слишком ярко горит фара.

Андрей: Нам надо прямо заявить о своих правах управляющему. Иначе я сделаю сам подкоп под забором Сергеевых, и пусть забор падает, тогда и разберемся, чья здесь земля.

Марья: Успокойся, управляющий Федор Петрович далеко не ушел. Он у Сергеевых, соседей, и сказал, что еще раз зайдет к нам после них.

Андрей: Что-то он долго. (пьет бальзам).

По радио звучит «Адажио» Моцарта. Андрей складывает газетный домик. Марья садится на лоскутное покрывало и начесывает прическу. Входит управляющий Федор Петрович. Марья сидит невозмутимо в углу, как кукла, Андрей курит трубку. На столе газетный домик.

Федор Петрович: Могу представиться, управляющий Федор Петрович. Я пришел предупредить, что вам нужно представить ордер на владение этим домом.

Андрей: Ордер есть.

Федор Петрович: (рассматривает). Его нужно заверить и сделать ксерокопию. Всего формальность, за которую нужно оплатить небольшую сумму.

Андрей: Формальность, да, да. Но обязательная. Тем более нам надо выяснить вопрос, почему сосед Сергеев поставил забор на нашем участке и перенес калитку с другой стороны. Мы оказались нечто вроде в ловушке. К тому же он заметил мне, что здесь будут жить только Сергеевы. Он, конечно, себя имел в виду. Но мы никак к ним не относимся. Ни в каком родстве.

Федор Петрович: Хм-м? Слушаю. Да.

Марья: Присядьте, Федор Петрович, выпейте чайку. (Наливает из чайника)

Федор Петрович: Какой чайничек малюсенький, просто мышонок.

Марья: Даже такой маленький чайничек заметнее большого серого камня, что пролег под мой забор. И вещь значительно приятнее.

Андрей: Все для гостей, для дорогих гостей. (добродушно, но заискивающе)

Марья: Вам подлить? (подливает кипяток).

Федор Петрович: О да. Это вы заварили чайный цветок!
Какой душистый чай!

Марья: Это чай «Белое пламя». Но я пью его ночью от бессонницы, при Луне. Она тоже, как ночной цветок, горит в темноте.

Федор Петрович: Угощение всегда приятно!

Марья: А вы скажите, Федор Петрович, какие наши дела в сравнении с Сергеевыми. И как нам все-таки обойти острые края между нами. Что мешает: возраст, положение, образование?

Федор Петрович: В принципе, я уже не знаю особых различий в возрасте, положении, образовании. Здесь можно считать и пересчитывать тысячу и миллион раз. Человек взрослый в 18 лет, в 30, в 40 или в 80. Он уже человек с образованием. Ответ раз-мы-ты-ы-ый. Другое под вопрос: кто свой, кто виноват, кто угодил, и что я хочу.

Андрей: Но лучше без виноватых. Мы на полном серьезе. И желание имеем, но в меру и стараемся соблюдать приличие.

Федор Петрович: Вы все мне объяснили. Я понял Вас вполне. Но вы опять стучитесь не в ту дверь.

Андрей: Что от нас нужно, что возможно?

Федор Петрович: Мне смешно.

Андрей: Смешно?

Федор Петрович: Этот постоянный вопрос бетонного века: поставить печатное сито.

Марья: Вы опять злоупотребляете женским полом. О! Слабый женский пол!

Федор Петрович: Я мог бы сказать, сильный женский пол.

Марья: Понюхайте эти духи. Этот флакон, как секира, я дарю мужу, и он начнет громить всех оболтусов, и самозванцев, и самохвалов. Вот-вот.

Марья распыскивает духи по углам.

Андрей: Маша, духи дорогие, а ты их распыскиваешь. Как же ты транжиришь свои деньги!

Марья: Нет. Я уезжаю. И пусть громко играет оркестр. Долой старые тапочки и стоптанные сапоги. Я надеваю High-heeled shoes... и уезжаю отсюда (делает резкий взмах рукой).

Андрей: Куда?

Марья: Ловить дым славы.

Федор Петрович: Вы одного не знаете.

Андрей и Марья: Что же? Что же?

Федор Петрович: Наш корр. Водоплясов наказан.

Андрей: Как? Неужели? За что?

Федор Петрович: Он последнее время вел себя недостойно. И не мог привести в порядок себя. Ему сказали не появляться среди людей. Он сидит теперь дома и никому не отвечает, и не открывает дверь. Он Одно УВЫ!

Андрей: Так что теперь будет?

Федор Петрович: Не переживайте. Все устроится со временем. Плохое забудется. Главное, не тревожить наболевшее. Пусть изжитое уснет вечным сном.

Андрей: Да?

Марья: Так что здесь гадать? Я всегда полагалась только на себя.

Андрей: (кланяется) Мне нечего бояться. Я уже решила за себя.

Федор Петрович: Оставляю вас с миром.

Федор Петрович уходит. За дверью раздается грохот и громко лают раздраженные собаки.

Голоса: Столб упал с фонарем! Провода порвались! Опять свет отключат! Одни неудобства! А кто ответит за них? Да никто! Дядя Ваня. Ха-ха-ха! Дядя Ваня, дядя Ваня... Позовите скорей.

Конец.